РАЗДЕЛ ДЕСЯТЫЙ

После ареста моего брата и троих наших дядей нас охватил страх и чувство одиночества, как никогда прежде. Раньше хоть от дядей была какая-то помощь и утешение. И был с нами Сергей, сильный и умный, настоящий хозяин. А теперь никого рядом не стало, остались мы безродными сиротами.

Но сельское начальство не оставило нас в покое. Мы постоянно чувствовали его над собой, как тяжёлую ношу на плечах. Утром и вечером, днём и ночью – оно всегда было с нами.

Приходилось часто ходить на сотню, на десятихатку и пятихатку и выслушивать бесконечные выступления о преимуществах коллективного хозяйства. Приходилось выдерживать изнурительные допросы о том, почему мы не хотим вступать в колхоз и какие у нас продуктовые запасы.

А в хату нашу начальство наведывалось часто. Проведывала нас едва ли не ежедневно хлебозаготовительная комиссия. А то пропагандист или агитатор заскочит, чтобы ещё раз просветить, какая прекрасная жизнь нас ждёт в колхозе. Также не забудут в двух словах проинформировать об огромном значении государственных хлебозаготовок. То председатель десятихатки придет уговаривать, чтобы мы записались в колхоз, иначе его, беднягу, признают саботажником. Не успеет он выйти из хаты, как старший по пятихатке прийдет с этим же уговором. Со слезами на глазах он расскажет нам, что если мы не вступим в колхоз, то его могут выселить из села.

А то ещё группа юных пионеров может навестить. На них тоже было возложено обязательство коллективизировать определенное количество крестьянских дворов. После пионеров

сразу приходят комсомольцы, а потом – представители комбеда. Иногда ещё заглянет группа учителей-агитаторов или делегация крестьян из соседнего села. И так далее – без конца и края. И у всех одно задание: коллективизировать нас и отобрать наш хлеб.

А однажды в полдень в начале марта 1930 года маму вызвали на стохатку. Там сидел за столом один-одинёшенек "товарищ Хижняк", поигрывая своим наганом. Он не ответил на наше приветствие, когда мы пришли вдвоём с мамой, и не пригласил нас сесть.

Будто не видя, что мы вдвоём стоим перед ним, он медленно и сосредоточенно разобрал по частям наган. Закончив это, он начал его чистить, протирая тряпкой. А мы всё стояли перед ним, не зная, что делать.

Тем временем Хижняк стал уже собирать наган, а потом заряжать патронами. Загнав в ствол последний патрон, он наконец поднял голову и, широко улыбаясь, поднял наган и прицелился в маму.

– Гы-гы-гы, – засмеялся он, – рад вас видеть!

– Что тебе теперь от меня нужно? – спросила мама, не обращая внимания на его наган и на этот его смех. Как ни странно, но она не проявляла никаких признаков страха. Почему-то и мне не было страшно.

Хижняк внезапно сделался важным. Его изрезанное морщинами лицо застыло мерзкой маской, будто ему было обидно услышать этот вопрос. Он медленно положил наган на стол.

– Мне нужно то, что коммунистической партии и советскому правительству нужно от тебя, ясно? – гаркнул он.

– Я в этом никогда и не сомневалась, – сдержанно ответила ему мама.

– Так вот, самая лояльная советская гражданка, – продолжал он с иронией в голосе, – дошла до меня весть, что ты и до сих пор не в колхозе. Я просто не могу в это поверить!

Он на мгновение остановился, но заметив, что мама собирается что-то сказать, медленно произнес:

– Ты что, воевать с нами надумала? А?

Он опять взял наган и начал играть им. Заглянул зачем-то в ствол, потом выкрутил шомпол и поковырялся в ухе. А через минуту отложил наган и глянул в нашу сторону.

— У нас, видишь, какие штучки есть? — он помахал в воздухе наганом. — А у тебя?

Потом опять засмеялся.

— Вот чудеса — гы-гы-гы! — заливался он смехом. — Она хочет с нами воевать! Гы-гы-гы!

Внезапно он нахмурился. Сидел неподвижно, не отрывая глаз от нагана. Затем снова взорвался хохотом и хохотал всё громче и громче, а потом вдруг вскочил со стула с наганом в одной руке, другой крутнул со всей силы его барабан и приставил дуло себе к виску. Мы за всем этим наблюдали.

— Гы-гы-гы! — залился он счастливым смехом. — Ты бы хотела, чтоб я спустил курок?

Мы продолжали молчать, что, видимо, раздражало его, потому что он внезапно прекратил смех.

— Если ты немедленно не вступишь в колхоз, — закричал он, как сумасшедший, — то я застрелю тебя из своего собственного нагана!

— А то из чьего? — невозмутимо ответила мама. Эти слова и вовсе взбесили его. Держа наган наготове, он выбежал из-за стола и, запыхавшись, остановился перед нами.

— Убью вас! — рявкнул он озверело и, будто бы в доказательство серьезности своих угроз, стал стрелять в потолок.

Это было незаурядное зрелище. Но мы вроде и не боялись. Мама — как всегда сдержанная — стояла себе спокойно. "Товарища Хижняка", очевидно, удивили её спокойствие и сдержанность. Попалив немного в потолок, он будто растерялся, не зная, что делать дальше. Сперва он взялся перезаряжать опустевший барабан, а затем спрятал наган в кобуру. Потом вынул его и положил на стол. Затем снова взял со стола, вывернул барабан и посчитал патроны в нём. В конце концов он всё же запихнул его в кобуру и выскочил из комнаты.

Мы ещё какое-то время постояли. Мама, наконец, послушала мои настоятельные уговоры сесть и села на скамью. Но только она это сделала, как в комнату вбежал какой-то незнакомец, будто специально дождавшись этого момента.

Это был явно горожанин и, безусловно, не украинец, потому что не умел по-украински сказать ни слова. Ну а то, что он — новый пропагандист, это уже и без объяснений было

очевидно. Был он высокий и откормленный, с бледным лицом.

– Вам так удобно? – обратился он к маме чуть ли не вежливо. Я ещё подумал, что наконец-то хоть одного человечного чиновника встретили.

– Вам, кажется, приятно так сидеть... – сказал он, глядя сверху вниз на маму, которая невозмутимо продолжала сидеть. Затем, не ожидая маминого ответа, вдруг взвизгнул не своим голосом:

– Встань, неотёсанная крестьянка! Я научу тебя, как встречать представителя большевистской партии и советской власти!

Мама, видимо, была готова к такому взрыву, потому что я не заметил никакого удивления у неё на лице. Она медленно поднялась. Но в уголках её глаз я заметил слёзы. Обида таки допекла маму.

Пропагандист сел на место "товарища Хижняка" и скрестил ноги под столом, а нас так и оставил стоять. Медленно и будто задумчиво он закурил дорогую папиросу из портсигара и холодно посмотрел на нас. Потом вынул револьвер из кобуры и положил на стол перед собой.

– Ну хорошо, – сказал он, презрительно смерив нас взглядом. – Так что вам нужно?

Такого вопроса мы не ожидали, ведь нам от него ничего не было нужно.

– Вот это я бы хотела спросить у вас, – ответила мама. – Раз вы меня сюда вызвали, то я думаю, что вы мне скажете, что вам от меня нужно.

Он вскочил.

– А ты не знаешь, зачем тебя сюда вызвали? – рявкнул он.

– А откуда мне знать? – ответила мама.

Его гнев перешёл в ярость. Он что было силы ударил кулаком по столу, так что аж револьвер подскочил от удара и приземлился на пол. Пропагандист быстро подхватил наган, посмотрел, цел ли он, и направил его на маму.

– Я тебя убью! – рявкнул он как не в себе.

Но нас это как-то не удивило и не испугало, возможно потому, что за последние месяцы мы пережили немало всяких ужасов и уже стали безразличными к новым угрозам.

А пропагандист какое-то мгновение, казалось, не знал, что делать с наганом, нацеленным на маму. Затем он отвёл немного руку вниз и пальнул из револьвера. Это его будто успокоило. Ни слова не говоря, он зашёл за стол и сел там, где и раньше сидел. С минуту он помолчал, а потом закурил новую папиросу и снова начал расспрашивать о том же самом.

Вдруг двери распахнулись настежь и в комнату вбежал мой младший брат. Запыхавшийся, с трудом выговаривая слово за словом, он сказал, что к нам в хату ворвалась хлебная комиссия и забрала все продукты, которые только нашла. Не обращая внимания на пропагандиста, который, конечно же, хотел нас задержать, мы изо всех сил бросились домой, но опоздали. Когда мы добежали до хаты, члены комиссии уже заканчивали грузить на подводу наши мешки с зерном и другими продуктовыми припасами. Немного того всего и было, но нам троим хватило бы прокормиться до нового урожая. А возле порога стоял "товарищ Хижняк" – поигрывал своим наганом в руке и улыбался. Это расплывшееся в улыбке лицо было доказательством того, что ему удалось нас перехитрить.

Так мы остались без хлеба и без ничего, если не считать немного картошки и свёклы, прикопанных на зиму в яме. А до нового урожая ещё нужно было ждать месяца три. И ниоткуда мы не могли ожидать помощи с продуктами.

Через несколько часов после того, как комиссия вслед за подводой с нашим зерном и другими припасами убралась со двора, к нам заявился председатель десятихатки. Он сказал, что если бы мы вступили в колхоз раньше, то ничего этого бы не было, ведь мы не кулаки, вот и дотянули бы до жатвы с хлебом.

– Ага, чуть не забыл, – добавил он в конце, уже стоя на пороге. – Членам колхоза платят за работу продуктами. – Говоря это, он смотрел на свои ноги, будто стеснялся собственных слов. – Так вы ещё имеете возможность спастись, если вступите в колхоз.

И правду сказал человек: у нас не оставалось никакого другого выбора.

В тот вечер мы много не говорили. А комиссия, будто угадав наше решение, разбудила нас среди ночи. Её возглавлял пропагандист – тот самый, что донимал нас допросами накану-

не. Безо всяких околичностей он спросил маму, согласна ли она записаться в колхоз. Она сказала, что да, согласна. Тогда он присел к столу под нашими иконами и написал вместо неё заявление. В нём, как я припоминаю, говорилось примерно так: "Поскольку коллективная форма хозяйствования значительно более прогрессивная, чем единоличная, и поскольку лишь она обеспечивает цветущую и счастливую жизнь, я добровольно прошу правление сельхозартели принять меня в члены вашего коллектива". И в конце была подпись.

Вот и всё. Мама молча подписала. Пропагандист аж светился от радости, тогда как остальные члены комиссии стояли в углу, грустные, как на похоронах.

На следующий день к нам во двор пришли несколько человек. Никому ничего не объясняя, они открыли хлев и сарай и забрали коня, корову, подводу, плуг, бороны и другой инвентарь. Уже тогда, когда нагруженная подвода, запряжённая нашим конём и с коровой, привязанной сзади к подводе, выехала из нашего двора, один мужчина всё же зашёл в хату. Он сообщил, что нас зарегистрировали в колхозе под номером 168-м и что в случае чего нам следует в будущем ссылаться на этот номер.

Так из хозяев мы превратились в номер – номер 168-й.